

Питер
Чейни

СЮРПРИЗ
ЗА СЮРПРИЗОМ

« А З Б У К А »

Питер Чейни
Сюрприз за сюрпризом
Серия «Классика
детектива. Большие книги»
Серия «Лемми Кошен», книга 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74680081
Убийство с изюминкой. роман, повесть, рассказы: Азбука,
Издательство АЗБУКА; СПб; 2026
ISBN 978-5-389-34883-7

Аннотация

Реджинальд Ивлин Питер Саутхаус-Чейни – британский писатель, работавший в жанре «hardboiled» («крутого») детектива, – стоит в одном ряду с его прославленными американскими коллегами и создателями этого жанра Дэшилом Хэмметом, Рэймондом Чандлером и Джеймсом Кейном.

Париж всегда Париж. Даже в марте 1945 года, медленно приходящий в себя после нескольких лет немецкой оккупации. Однако спецагенту ФБР Лемми Коушену, прикомандированному к штабу американской армии, не до красот города-праздника. Его обвиняют в том, что он, выпив лишнего, выдал секретные сведения француженке, подозреваемой в работе на немцев...

Содержание

От автора	5
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Питер Чейни

Сюрприз за сюрпризом

© И. Б. Иванов, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

От автора

Настало время сказать несколько слов о мистере Лемьюэле Генри Коушене и этой книге.

Роман «Сюрприз за сюрпризом» появился в результате обещания, данного мной двум храбрым офицерам австралийских ВВС: лейтенанту-коммандеру, кавалеру креста «За выдающиеся заслуги» Элу Палмеру и майору Бруку Муру. Я сказал, что напишу очередной роман о Лемми Коушене специально для них и других военнопленных, и выполнил свое обещание.

В 1944 году моя жена работала в «Благотворительной организации Святого Иоанна» и вместе с другими сотрудниками занималась репатриацией британских военнопленных из находящегося в Швеции лагеря «Дротнингхольм», который сами военнопленные окрестили «Спешу домой»¹. На обратном пути, узнав, что миссис Чейни – моя жена, Палмер и Мур попросили ее передать мне письмо, написанное от имени всех репатриантов, находящихся на борту судна. Многие из них провели в лагерях не один год.

Я всегда считал Лемми Коушена своим удачным писательским изобретением. За десять лет романы о его приключениях распространились по многим странам и завоевали

¹ В оригинале «Trotting Home», что по звучанию похоже на Дротнингхольм. –
Здесь и далее примечания переводчика.

популярность у множества читателей. Могу без излишней сентиментальности сказать: читая это письмо, я испытывал величайшую гордость за свое ремесло писателя.

Из письма я узнал, что романы о Коушене развлекали и смешили заключенных в лагере, когда внешние обстоятельства отнюдь не способствовали веселью и тем более смеху. Там рассказывалось о забавных ситуациях с самими книгами в немецких шталагах². Так я узнал о попавшем в плен католическом священнике, который бродил по лагерю с внушительного вида молитвенником. В конце концов стало известно, что внутри молитвенника он прятал экземпляр романа «Дамочкам наплевать».

Письмо кончалось словами: «...и спасибо вам за то, что вы сделали для нас».

Через какое-то время, встретившись со Шкипером и Бруки (так друзья называли Палмера и Брука), я услышал много других историй. (Естественно, наша встреча не обошлась без исторических «порций на четыре пальца».) Тогда же я пообещал им, что новый роман о Лемми Коушене посвящу военнопленным, и в первую очередь – военнопленным лагеря «Дротнингхольм», к которым у меня особый, личный интерес.

Бруки вернулся в Австралию, где эта книга его и найдет. Я не знаю, где сейчас однорукий Шкипер, но и он обязатель-

² *Шталаг* (Stalag) – сокращенная форма от *Stammlager*. Так в Германии времен Второй мировой войны назывались лагеря для военнопленных.

но получит от меня экземпляр.

Я очень горжусь словами благодарности, полученными от бывших военнопленных за то, что я «сделал для них». Позвольте мне от имени Лемми Коушена и всех его читателей поблагодарить этих людей за то, что они сделали для нас, за все страдания и принесенные жертвы.

Глава 1

Вот это да!

Жизнь бывает чертовски удивительной. В самом деле! Она бывает настолько прекрасной, что стоит произойти чему-то из ряда вон выходящему, и вы отказываетесь в это верить. Кто-то называет подобное цинизмом, кто-то – попыткой принять желаемое за действительное, как один парень, нарядившийся на Рождество Санта-Клаусом, чтобы проникнуть через камин домой к приглянувшейся ему малышке.

Что касается меня... мне сейчас настолько паршиво, что впору перерезать себе горло. Тогда не пришлось бы ни о чем беспокоиться, кроме горла. И причиной депрессии, овладевшей не только мной, но и изрядной частью Парижа (кстати, сейчас март 1945 года), является одно... дамочки! Будь я Аладдином, остервенело натирающим лампу, думаю, джинны и тогда бы не почесались выполнить мое пожелание, не получив от меня вначале сколько-то там банковских билетов.

Теперь вы знаете.

Парень, назвавший эту улочку Площадью роз, обладал своеобразным чувством юмора. Пахнет здесь много чем, но только не розами. Такое ощущение, будто парижане стаскивали сюда все ненужное и оставляли гнить. А может, при-

чина в другом. С момента освобождения Парижа от немцев прошло не так уж много времени. Гадать не буду.

Я нахожусь в легком подпитии. Парень, сообщивший мне, что аперитив *дюбонне* великолепно смешивается с ржаным виски, явно понимал толк в выпивке. Но голова моя соображает не лучшим образом. Дополнительную путаницу в мысли внесла малышка, с которой накануне я обедал. Я назвал бы эту цыпочку Фау-2, потому что она умеет быть такой же внезапной, как любимая ракета нацистов.

Вокруг темень, но в конце улочки вижу полоску света, пробивающуюся из окна второго этажа. Иду туда. Фурс мне рассказывал, что во времена оккупации, когда в Париже всю шустроило гестапо, он встречался здесь с ребятами из английской секретной службы. Так что место имеет своеобразную атмосферу, если вы понимаете, о чем я. Если нет, мне то какая печаль?

Возле входной двери из стены торчит шнурок звонка. Дергаю за него, дымлю сигаретой, не вынимая ее изо рта, и продолжаю думать о дамочке, с которой обедал. Возможно, я уже рассказывал вам, что три четверти жизненных бед так или иначе связаны с дамочками, а еще одна четверть – финансовые неурядицы. По сравнению с упомянутыми тремя четвертями это пустяки. Неприятности, не связанные с женским полом, подобны мелкой соринке в глазу и никого особо не беспокоят.

Через пару минут дверь открывается. В свете тусклой ко-

ридорной лампочки вижу высокого, худощавого, смуглого парня. У него смешливое лицо и приятные серые глаза. Он вызывает у меня симпатию.

– Значит, ты и есть Лемми Коушен? – спрашивает он.

– Во всяком случае, моя матушка так говорила, – отвечаю я.

– А меня зовут Джимми Клив, – представляется он. – Частный детектив из Нью-Йорка. Может, тебе рассказывали обо мне?

– Да. Слыхал. И как тебе парижская жизнь?

– Довольно недурно. После немецкой оккупации город стал оживать. Не знаю, связано это с выпивкой или с малышами. Поскольку они меня не особо интересуют, значит причина в выпивке. Проходи.

Вхожу. Из передней вверх ведет винтовая лестница. За ней коридорчик с дверью направо. Куда ни глянь – сплошная пыль. Исключение составляет лишь медная ручка на внутренней стороне входной двери. Иду по лестнице вслед за Кливом. На полпути он оборачивается и говорит:

– А тебя тут дружок дожидается. Говорил, что предвкушает вашу встречу.

– Да? – удивляюсь я. – И кто это?

– Некто Домби. Наверное, вы с ним работали.

– Работали. Приятный парень. Только излишне говорливый. И большой любитель волочиться за дамочками. Но в остальном вполне симпатичный. Здесь найдется чем переку-

силь?

– Да, – отвечает Клив, открывая дверь на втором этаже. – Домби захватил бутылку.

Входим.

Комната вполне сносная. Пара стульев, складная кровать, а в одном конце нечто вроде стойки. Может, когда-то здесь находился бар. На столе вижу бутылку. Содержимое по цвету напоминает виски, а на этикетке значится «Настоящий коньяк». Надпись вызывает у меня легкое подозрение. Рядом с бутылкой – несколько стопок и сифон.

– Привет, Домби! – здороваюсь я. – Как поживаешь? Мы с тобой года два не виделись. Помнишь нашу совместную работу в Лондоне?

– Я все помню, этакий-разэтакий ловкач, – отвечает Домби. – Помню, как ты увел у меня из-под носа очаровательную дамочку. Такое не забывается.

– Послушай, я никогда не уводил дамочек у кого бы то ни было. Она последовала за мной по доброй воле. Но я вполне понимаю твою досаду по этому поводу.

– С дамочками нужно всегда быть настороже. Труднее всего держаться от них подальше. Во мне кое-что есть, от чего без ума каждая парижская дамочка. Во всяком случае, у меня сложилось такое мнение.

– В тебе что-то есть! – усмехаюсь я. – Джимми, ты слышал это? Вслушайся в слова этого лопуха. В нем что-то есть. В нем есть мужская привлекательность.

– Ага, – подхватывает Клив. – И флюс в придачу!

– Будет вам, парни, – отбрыкивается Домби. – Вы просто мне завидуете. Джимми не может смириться с тем, какую дамочку я подцепил. Подожди, когда сам ее увидишь. Потрясающая особа. На меня запала со страшной силой. Она даже считает меня хорошим.

– Ну, тогда она просто чудо, – иронизирую я.

– Она действительно чудо, – говорит Домби. – Малышка и мозгами не обижена. У нее развито шестое чувство.

– Чего и следовало ожидать. Остальные пять находятся в зачаточном состоянии, иначе она не запала бы на тебя.

– Эй, ребята, постойте, – охлаждает наш пыл Клив. – Мы же вроде по делу собрались.

– Да? И по какому? – спрашиваю я.

Мне и так понятно, почему этот парень Клив – хороший частный детектив, не обделенный обаянием, – обивает пороги штаб-квартиры федералов в Париже. Похоже, случился затык.

Домби встряхивает бутылку, откупоривает и протягивает мне вместе со стопкой. Наливаю себе порцию.

– Слушай, Лемми, у тебя репутация человека, знающего, кому и что говорить. Но похоже, Большой Парень тобой недоволен.

– Да? Только не говори, что это испортит мне сон. И что же такого я натворил?

– Я так понимаю, это опять связано с дамочками, – про-

должает Домби. — Во время твоего последнего задания произошла утечка сведений или что-то вроде того. Кто-то сообщил боссу, что ты слишком откровенничал с горячей штучкой по имени Марселина. Большой Парень вбил себе в голову, что ты растрепал Марселине то, о чем следовало молчать.

— Ну тогда он просто жалкий врун, — говорю я. — Я умею общаться с дамочками и не пробалтываться о чем-то важном.

— Надеюсь, ты сумеешь его в этом убедить, — говорит Домби. — Пока что он уверен в разглашении сведений и склонен подозревать в этом тебя.

— Да неужели? — усмехаюсь я и снова наполняю стопку.

— Не бери в голову, Лемми, — успокаивает меня Клив. — Я в этом деле вообще новичок. Но меня вытащили из Нью-Йорка, поскольку шеф решил, будто я что-то знаю. Он забрал меня из агентства и привез сюда. Подробно расспрашивал. Пришлось рассказать ему все, что знаю.

— Так, парни. Пока ничего страшного не случилось, но хотелось бы знать, кто внушил Большому Парню мысль о моей болтливости.

Домби пожимает плечами. С минуту мы молчим, потом Клив говорит:

— Ну, на этот вопрос я могу тебе ответить. Она и внушила. Малышка Марселина.

Такое ощущение, что мул лягнул меня прямо в физиономию.

– Ты это всерьез? – спрашиваю я, все еще надеясь, что Клив неуместно пошутил.

– Да, Лемми, всерьез, – отвечает он. – Большого значения ее словам я не придаю. Когда ее взяли для допроса, каждый понимал: она будет нести что угодно, только бы выпутаться. Возможно, Марселина думала: если она обмажет тебя дерьмом, это облегчит ее собственную участь. – Клив зевает. – По-моему, Марселина обладала слишком богатым воображением. Но нужно убедить в этом шефа. Есть и другой момент. Помнишь парня, который работал вместе с тобой?

– Ты говоришь про федерала Риббана из Коннектикута? Отличный парень. Он знает цену заявлениям этой Марселины.

– Я тоже так думаю. По-моему, тебе стоит с ним поговорить перед визитом к шефу. Я это устрою.

– Очень любезно с твоей стороны, Джимми, – говорю я. – И когда я должен предстать перед Большим Парнем?

– Сегодня, около десяти вечера, – включается в разговор Домби. – Шеф взбудоражен, поскольку все серьезнее, чем твой разговор с Марселиной. Ниточки могут тянуться в разные стороны. Сам знаешь, сколько всего происходит вокруг. По словам шефа, утечки сведений отмечаются повсюду: в Париже, Лондоне и других местах. Я слышал, что кто-то раскрыл немцам подробности готовящегося сражения в Арнеме³. Немцы знали даже место высадки английского де-

³ Арнем – город на востоке Нидерландов, где с 17 по 26 сентября 1944 г. про-

санта.

– Может, шеф думает, что я и это разболтал какой-нибудь другой Марселине?

– Да успокойся ты! – осаживает меня Домби. – У тебя же безупречный послужной список. Просто шеф считает, что ты был излишне разговорчив с этой дамочкой. Ничего удивительного. Ты думал, будто она играет по-честному. Откуда тебе было знать, что она работает на противника?

– В моем случае это ничего не меняет. Я вообще не имею обыкновения говорить с блондинками о чем-то за пределами банальных тем.

– Жаль, что я не могу сказать того же о себе, – вздыхает Домби. – Я тоже не говорю с ними ни о чем серьезном, но даже банальные разговоры превращаются для меня потом в кучу неприятностей.

Делаю глоток прямо из горлышка и говорю Кливу:

– Итак, значит, у босса я появлюсь в десять. Наверное, ты прав и мне стоит вначале поговорить с Риббаном. Если я правильно понял, ты все устроил для нашей встречи?

– Да. Есть местечко, куда он постоянно навещает. Небольшой бар близ Площади Пигаль – «Бар Леона». Риббан сказал, что будет там около девяти. Сейчас без четверти девять. Тебе всяко стоит его повидать, послушать, что он скажет, а потом уже идти на растерзание к Большому Пар-

исходили ожесточенные бои между союзниками и гитлеровскими войсками. Это было первое крупное поражение союзников и последняя победа вермахта.

ню.

– Тогда я двинул. До встречи, Домби.

– Надеюсь, она будет скорой, – отвечает он.

– Мы с тобой увидимся еще раньше, у шефа, – говорит Клив. – Думаю, старик устроит нам выволочку.

Спускаюсь вниз, выхожу на Площадь роз и шагаю в сторону Площади Пигаль.

Потом останавливаюсь и думаю: «Что за чертовщина?»

С какой стати мне торопиться? Я не горю желанием поскорее увидеться с этим Риббаном и, уж конечно, не спешу сломя голову, чтобы оказаться в кабинете шефа. Наверное, зрелище будет захватывающим. Поэтому чем дольше я оттягиваю встречу с Риббаном, тем дальше отодвигается и финальное представление. Ничего, пусть Риббан дождется моего появления.

Иду, люблюсь видами Парижа и сравниваю город в этот год величия (или позора, кому как нравится) с Парижем в 1926 и 1939 годах. Я недурно проводил здесь время. Пожалуй, Париж тридцать девятого года нравился мне больше.

Мысли продолжают крутиться вокруг Марселины. Умная цыпочка. Маленькая изворотливая стерва, умеющая подлить яду в нужное место и в нужное время. Я бы не пожалел двухмесячного жалованья, чтобы узнать содержание ее разговора с шефом. Тогда мне стало бы ясно, где правда, а где вранье этой куколки. Возможно, я и сболтнул лишнего. Но действительно ли я что-то выдал, или сработало воображение

Марселины... сейчас я не желаю это обсуждать. Вот так-то, ребята.

Думаю, вы сообразили, что работа федерала, прикомандированного к штабу американской армии в Париже, не устлана лепестками роз и не полита бурбоном. Я это испытал на своей шкуре. В старые добрые времена, когда я работал в нью-йоркском отделении ФБР, был одним из лучших и готовился получить статус полевого агента... здесь лишь остается ностальгически вздохнуть. Я и не подозревал тогда, как мне хорошо живется. Сейчас, когда целая орава таких, как я, лопухов работает под началом армейской разведки и секретных служб, все носятся словно угорелые, зачастую действуют наобум и настолько погружены в порученные задания, что буквально спотыкаются о своих собратьев.

И все-таки я чертовски хотел бы знать, сколько эта малышка Марселина успела наболтать моему начальству...

Моя старая матушка видела дамочек насквозь (и, в отличие от моего безвременно почившего отца, не питала на их счет никаких иллюзий). Она мне говорила: «Если будешь постоянно водиться с разными куколками и цыпочками, карьеры на федеральной службе тебе не видать». Может, она была права, а может, и нет. Но сейчас меня занимает вопрос: не переоценил ли я свои способности, общаясь с этой Марселиной? Похоже, малышка оказалась круче, чем я предполагал.

В конце улочки, по которой бреду, вижу свет, льющийся из окна. Спускаюсь в полуподвал. Заведение называется

«Бар Уилки». Такие места часто носят имена своих владельцев. Обычный бар, несколько дамочек и бутылки, расставленные на полках за стойкой. Выпивка в нынешнем Париже кусается. Чтобы хотя бы немного напиться, нужно выложить около четырех миллионов франков. А если вы пьете разную дешевку, сделайте паузу, поставьте стакан на стол и попытайтесь понять: то ли вас разобрало от этого пойла, то ли вам заехала в пупок одна из Фау-2, которые пока еще имеются у герра Гитлера.

Приваливаюсь к барной стойке и делаю жест, показывая Уилки, что мне нужно бренди, и из той бутылки, куда действительно налито бренди. Делаю пару глотков, запиваю содовой и оглядываюсь по сторонам. И вдруг... должно быть, парень, написавший песенку «Мое сердце остановилось»⁴, предвидел, что нечто подобное случится с мистером Лемью-элом Генри Коушеном – специальным агентом Федерального бюро расследований, ныне прикомандированным к разведке и секретной службе генерального штаба американской армии в Париже. Если вам есть что к этому добавить, помимо пустых бутылок, я с удовольствием вас выслушаю.

Теперь о причине, заставившей мое сердце остановиться. В конце барной стойки восседает моя старинная приятельница Хуанелла Риллуотер. Кажется, она явилась сюда прямо с обложки журнала мод. Хуанелла – жена некоего Ларви Рил-

⁴ «*My Heart Stood Still*» – популярная песня американского композитора Ричарда Роджерса, написанная в 1927 г.

луотера, считающегося одним из лучших в Штатах взломщиков сейфов. Не чужд он и ремеслу фальшивомонетчика. За ним гонялись полицейские разных стран, но все они тратили время впустую, поскольку мистера Риллуотера не облапошишь... за исключением одного раза, когда он крупно прокололся.

Сейчас, парни, у меня при виде этой малышки перехватывает дыхание, причем сразу по двум причинам. Во-первых, от ее вида. Вторую причину я назову вам чуть позже.

Хуанелла – это праздник для глаз. Высокая, со всеми надлежащими округлостями в надлежащих местах и фигурой, в которой нет ничего лишнего. У нее темно-рыжие волосы. Над ее прической колдовал лучший парикмахер мира. Зеленые глаза. Гибкая, словно ива, если вам знакомо такое сравнение. У нее есть кое-что подрагоценнее жемчуга, платины и прочих побрякушек, по которым сходят с ума амбициозные дамочки. У нее есть женская притягательность. Когда раздавали эту силу, Хуанелла явилась с большой продуктовой сумкой, подмигнула и набрала вдвое больше.

На ней бархатный жакет цвета зеленой листвы и такая же юбка, плотно облегающая талию, бледно-желтая креплешинная блузка, шляпка, явно сделанная на заказ, и кожаные лодочки редкого бронзового оттенка на высоком каблуке. Перед ней не устоит ни один мужчина, ее арсенал женских чар безграничен, а если и недоостает чего-то, оно легко уместится под почтовой маркой.

А теперь вторая причина, почему меня несколько заинтриговала неожиданная встреча с Хуанеллой в Париже. Джимми Клив – частный детектив, с которым я познакомился в логове Домби, – года полтора назад прищучил Ларви Риллуотера. Муж Хуанеллы попался на взломе банковского сейфа в Иллинойсе. И теперь я отчетливо понимаю, в чем беда малыша Лемми, как когда-то называла меня моя матушка.

Думаю, вы уже давно поняли, что я из тех поэтических натур, чей взгляд постоянно ищет красоту. Вот такие у меня глаза. Думаю, вы слышали и про Конфуция – смышленного малого, у которого всегда наготове подходящая острота. Он развлекался тем, что подсказывал остальному миру, где этот остальной мир сходит с катушек. Так вот, у Конфуция есть такое изречение: «Красота женщины подобна аллигатору, притаившемуся в камышах». Когда какой-нибудь парниша считает, что крепко зацепил страстную красотку, в действительности он стоит на пороге большой беды. Вскоре он получит коленкой под зад и отправится в полет не хуже бейсбольного мяча. «Уж лучше, – продолжает Конфуций, – пощекотать спящего тарантула, чем прельститься телесной географией соблазнительной блондинки, получившей от Генриха VIII медаль за примерное поведение, а также правильные ответы на все вопросы, что не помешало ей облапошить монарха, изменив ему с придворным шутом в кухонной кладовой. Застигнутая на месте и ожидающая казни – королевскому палачу оставалось лишь наточить старый топор, – она от-

правилась в самовольную отлучку и не вернулась».

Вам непременно ударит в голову мысль (и сила удара будет как у метко брошенного куска угля), что мне сейчас ни в коем случае нельзя приближаться ни к каким дамочкам. От них сплошные неприятности. Но такова жизнь. Есть поговорка: «Чего не знал, о том и не тоскуешь». Черта с два! Тоскуешь, и еще как!

Разумеется, не все женщины опасны. Но безопасные никогда не бывают красивыми. Если парень повернут на безопасности, ему такое, может, и сойдет. Однако безопасные малышки не только некрасивы, как правило, они еще и банально глупы. Рот такой цыпочки поэты любят называть «щедрым». Просто они слишком деликатны, чтобы сравнить его с зияющей пропастью. Безопасность – это, конечно, хорошо, но у безопасной дамочки ноги зачастую похожи на ножки кухонной плиты, а фигура такая, что вы захотите помчаться домой, взять лист чертежной бумаги и заняться разработкой накладного бюста. У безопасной женщины есть денежки в банке, но она предпочитает, чтобы они оставались там до тех пор, пока ее зубы не приобретут желтизну прошлогодних нарциссов. Безопасная мнит себя умной, однако у нее такой дефицит серого вещества, что она считает, будто мушкетон – это карета, на которой старых дев отвозят в родильный дом.

Вот что такое безопасная женщина!

Меж тем красивая женщина просто обязана развивать

свою интуицию, хотя бы для самозащиты. Парни постоянно стремятся подвалить к ней и уломать на что-нибудь. Вдобавок она просто обязана быстро соображать и не лезть за словом в карман, чтобы всегда сказать настырному парнише, где его остановка.

Что касается меня... Помню, встретила меня в Ошкоше потрясающая дамочка. (Кстати, там все дамочки выглядят обворожительно, а мужчины не имеют обыкновения носить подтяжки.) Красивая – до боли в глазах. Характер соответствующий, и с серым веществом полный порядок.

Идет она как-то по тамошней главной улице, и подбегает к ней один из благочестивых парней, о которых пишут в назидательных книжках.

– Эсмеральда, мне не нравится образ жизни, который ты ведешь, – заявляет он. – Все мужчины этого проклятого городишки сходят по тебе с ума. Минувшей ночью я думал о тебе и молился за тебя.

На что она, слегка потупив взор, с достоинством отвечает: – Что ж ты мучился, дружок? Какого черта тебе понадобилось молиться за меня, когда в телефонной книге есть мой номер? Взял бы и позвонил, чем дурую маяться.

Услышав такое, благочестивый парниша выпил четыре двойные порции ржаного виски и поступил на службу во флот. Последний раз его видели, когда он с помощью киркомотыги делал маникюр японскому пулеметчику.

Если до вас не дошла мораль этой истории, вам стоит об-

ратиться к ближайшему мозгоправу.

Но оставим рассуждения и вернемся к миссис Хуанелле Риллуотер. Сейчас ее муж – упомянутый Ларви – находится за крепкими стенами одной из федеральных тюрем в Штатах. Думаю, Хуанелла решила воспользоваться моментом и по причинам, известным лишь ей одной, а также парню, устроившему ей эту поездку, отправилась в Париж, чтобы присмотреть себе что-нибудь модненькое.

Ненадолго вспоминаю про Риббана. Надо сваливать отсюда и идти к нему на разговор. Потом одергиваю себя: куда я тороплюсь? Ничего, подождет. Подхожу к Хуанелле, встаю у нее за спиной и говорю:

– Так-так, кто тут у нас? Неужто Хуанелла – бесценный подарок для человечества? Как тебе парижская жизнь?

Она поворачивается ко мне с ошарашенным видом. Зеленые глаза распахнуты. Она краснеет, потом бледнеет и, наконец, синее.

– С ума сойти! Неужели передо мной Лемми Коушен – мужчина моей мечты?

Она улыбается, потом состраивает гримаску, показывая мне свои белые зубки.

– Лемми!.. Ну просто сказка наяву. Как же я рада тебя видеть. Отрада для моих усталых глаз. Я до смерти тебя люблю.

Я ей подмигиваю. Это вполне в репертуаре Хуанеллы. В прежние времена она постоянно говорила всем и каждому, что малость запала на меня. Возможно, она говорила правду.

– Великолепно, Хуанелла, – говорю ей. – В последний раз я испытывал такое удовольствие, когда в цирке мной выстреливали из пушки. Давай поговорим, дорогуша. Поведай, что ты делаешь в этом городе радости и печали, одетая как кинозвезда? И как поживает твой супруг Ларви, если ты все еще замужем?

Она задерживает на мне пронизательный взгляд и тихо говорит:

– А мистер Коушен все тот же. Если бы не мои горячие симпатии в твой адрес, я бы назвала тебя мерзавцем. Меня будоражит твое присутствие. И в то же время я ненавижу тебя до чертиков. Ты же прекрасно знаешь, что мой супруг, как ты его назвал, Ларви Риллуотер, эксперт по части вскрытия сейфов, если уж на то пошло, смотрит на мир сквозь решетку тюрьмы Алькатрас⁵ вместе с другими, не менее выдающимися людьми. Лучше угостил бы меня выпивкой, мистер Коушен. Или я могу тебя называть просто Лемми?

Снова обращаюсь к Уилки и после долгих уламываний получаю от него два коктейля. Взяв выпивку, мы с Хуанеллой перемещаемся к столику в углу, садимся и смотрим друг на друга. Я улыбаюсь. Для меня это похоже на разминку двух боксеров, выступающих в легком весе.

Она делает глоток и розовым язычком облизывает губы.

– Отменный вкус. Но ты никогда не скупился на выпивку,

⁵ *Алькатрас* – федеральная тюрьма строгого режима на одноименном острове, в двух километрах от Сан-Франциско. Закрыта в 1963 г.

Лемми. Умеешь выбирать лучшее. Плохо лишь, что ты так никогда и не выбрал меня.

– Не отчаивайся, Хуанелла. Как говорил один мудрец: «Пока жизнь теплится, надежда существует». Может, когда ты превратишься в старуху с седыми волосами, а твое личико станет похожим на карту береговой линии Южной Атлантики, я появлюсь, возьму тебя за руку и поведаю тебе часть жизненных тайн.

– Да? Черта с два! Случись такое, я сама покину этот мир и растаю в голубой дымке. Я вообще не собираюсь стареть. Я намерена исчезнуть, когда во мне останется еще достаточно привлекательности.

Закуриваю и предлагаю ей сигарету.

– А я, как видишь, торчу в Париже. Не скажу чтобы мне это нравилось. Правительство направило сюда кучу федералов, вверив нас армейским чинам, а это другой мир, с которым не всегда находишь общий язык. К тому же я недавно допустил промашку и оказался первосортным лопухом.

– Быть того не может, Лемми! – удивляется Хуанелла. – Кто угодно, только не ты. Только не говори, что Лемьюэл Коушен, гордость ФБР, отважный парень, привыкший действовать четко, вдруг где-то напортачил, в чем-то запутался и завалил работу. Все равно не поверю.

– Эх, Хуанелла, мне бы твою уверенность, – вздыхаю я. – Но что есть, то есть. Я действительно сел в лужу. Мне поручили задание. Выполняя его, я общался с одной дамочкой и

ненароком сболтнул лишнее. Я не раскрыл ей никаких секретов, но сказал достаточно, чтобы у нее появились кое-какие догадки. Теперь начальство собирается разорвать меня на куски. Вот так.

– Сочувствую тебе, Лемми. – Хуанелла смотрит на меня. Кажется, у нее из глаза вот-вот выкатится слезинка. – Уж если кто умеет держать язык за зубами, так это ты. Будь уверен. Ты всегда дорожил своей репутацией. Знаешь, хотела бы я встретиться с этой штучкой. Я бы обязательно ее проучила. И чем тебе теперь это грозит?

– Я не особо беспокоюсь, – отвечаю я, пожимая плечами. – Какой смысл трепыхаться? Легче не станет. Ладно, давай не будем о моих бедах. Лучше расскажи, что ты здесь делаешь? Как ты сумела попасть в Париж? Или кто тебе в этом помог? Нынче в Штатах трудно получить разрешение на поездку во Францию. Особенно для дамочки, чей муж отдыхает в Алькатрасе. Как тебе это удалось?

Прежде чем ответить, она разглядывает пепел на своей сигарете.

– Сейчас расскажу... Может, тебе знакома фамилия парня, который сцапал Ларви. Это Клив... Джимми Клив. Частный детектив, работающий в полиции штата Иллинойс. Его туда направили, поскольку из-за войны у полицейских возникла нехватка сотрудников. Он хоть и прижал Ларви, но повел себя достаточно честно.

– Не удивляюсь, – отвечаю ей. – Клив – парень честный.

Я его знаю.

Этим и ограничиваюсь, умолчав, что Клив сейчас тоже находится в Париже. Недавний печальный опыт подсказывает мне: не надо давать дамочке лишних сведений.

– Слушай дальше. Когда Ларви взяли, для меня это было как гром среди ясного неба. Крушение привычной жизни. Я всегда любила Ларви. Но даже если бы и не сходила по нему с ума так, как по некоторым... – Она выразительно смотрит на меня. – Ларви мне дорог. Я жила словно во сне. Мне казалось, я распалась на части. Была даже шальная мысль сигануть в Ист-Ривер. Если и вынырну, то хотя бы с рыбиной в зубах. И в этот момент я натыкаюсь на Клива. Он спрашивает, не желаю ли я сменить обстановку. Если я готова поехать в Париж и поработать в одной из американских контор, занимающихся поставкой грузов, он устроит мне эту поездку, невзирая на мою изрядно подмоченную репутацию.

Она вздыхает. Терпеливо жду продолжения.

– Я обеими руками ухватила за этот шанс. Прекратила распускать сопли, взяла себя в руки. И тут произошло еще одно событие. В Саратоге жила тетка Ларви – престарелая миссис Фейл. Она всегда убеждала Ларви бросить ремесло взломщика сейфов и заняться более достойным делом вроде продвижения подставных фирм. Так вот, она умерла, оставив мне несколько тысяч зеленых. Невесть сколько, но девушке хватит на парикмахера и на кое-что из одежды, чтобы прилично выглядеть. Надеюсь, ты меня понимаешь. Вот так

я и очутилась здесь. И вдруг приятный сюрприз – встреча с тобой.

Смотрю на часы. Половина десятого. Пожалуй, пора идти встречаться с Риббаном и выяснять известные ему подробности.

– Вот что, Хуанелла. Мне сейчас надо двигаться. Но я бы очень хотел снова с тобой увидеться. Возможно, пообедаем где-нибудь.

– Обязательно, Лемми. С удовольствием. Я живу в отеле «Сен-Дени». Запиши телефон. Позвони мне. Ради встречи с тобой я отодвину любые дела. Так я к тебе отношусь... дорогуша.

Награждаю ее широкой улыбкой:

– Ты потрясающе говоришь. Тебе бы на сцене блистать. Я тебе обязательно позвоню, как только разгребу эту кучу.

– О'кей, Лемми, – отвечает она. – Будь осторожен. Беды тебе ни к чему. А я еще немного здесь посижу. Может, чего-нибудь выпью.

Прощаюсь с ней и ухожу. Парень, придумавший изречение «Мир тесен», должно быть, сидел на таблетках для улучшения мозговой деятельности. Такая мысль посещает меня на улице.

Бреду вверх по склону Холма, как парижане иногда называют Монмартр, думая о разных разностях. Иду и вдруг замечаю, что ежусь от холода. Похолодало, причем настолько, что даже малышка в пуховых штанах подумала бы, что си-

дит на айсберге. А может, с погодой все в порядке и это мои чувства всколыхнулись? Мне не дает покоя мысль о череде неприятностей, готовых обрушиться на меня.

Еще бы мне не беспокоиться! Многие годы я искусно уворачивался от разных пакостей, и если теперь они частично настигнут меня, это не слишком повредит старшему и вдобавок неженатому сыну миссис Коушен. Не впервые над моей головой сгущаются тучи. Прежде, когда ситуация становилась невыносимой, я всегда вспоминал одного француза. В старости он признавался, что большинство неприятностей, на ожидание которых он ухлопал жизнь, так и не случились. Этот человек знал, о чем говорит.

Я уже вам рассказывал, парни, о китайском мудреце Конфуции. Я питаю к нему большое уважение. Он умел описывать разные жизненные ситуации простыми и понятными изречениями. Он говорил, что существует всего три вида неприятностей: дамочки, деньги и плохое самочувствие. Однако в этом старик ошибался.

Если у парня неприятности из-за дамочки, к ним добавятся и все остальные. Мне еще не встречался человек, который при этом не терял бы деньги, что не лучшим образом сказывалось и на его самочувствии.

Но Конфуций упустил из виду четвертый вид неприятностей. Они подстерегают вас, даже если неприятности трех упомянутых видов обошли вас стороной. Пораскиньте мозгами. Если у парня нет дамочки и ему не из-за кого беспо-

коиться, если у него есть деньги и их не на кого тратить, если он вдобавок здоров и никто не вызывает у него головную боль... могу лишь сказать, что он свихнутый. Любой, кто так идет по жизни, обязательно попадет в местный сумасшедший дом. Можете меня цитировать. Разрешаю.

Минут через пятнадцать добираюсь до «Бара Леона». Он помещается в старом узком доме неподалеку от улицы Клиши. На самом деле никакой это не клуб. Первый этаж занимает бистро с крошечным пятачком для танцев.

В конце зала, на эстраде, восседают два русских музыканта. Вечером по понедельникам, средам и субботам они улаживают слух посетителей игрой на балалайках. По вторникам, четвергам и пятницам они играют на цитрах, но это ничуть не лучше. Услышь Джо Сталин этих молодцев, он бы выдержал от силы два такта, после чего приказал бы кремлевским гвардейцам подыграть им на ручных пулеметах⁶. Я слышал музыку в самых разных уголках мира, но это исполнение иначе как паршивым не назовешь. И даже если бы оно было виртуозным, мне такая музыка все равно бы не понравилась.

Как вы поняли, так называемый «Бар Леона» – заурядная дыра.

Вхожу – и из холодного вечера попадаю в духоту. Наку-

⁶ Простим Лемми Коушену его неширокий кругозор по части всего, что касается России. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграло нескончаемое потребление виски и безостановочное курение.

рено так, что не продохнуть. Из сизого марева доносится треньканье балалаек, тонущее в гуле голосов. Здесь собираются дельцы черного рынка, дамочки, разводящие парней на выпивку, и другие куколки, старающиеся не допускать ошибок.

Иду к барной стойке. Заведение названо по имени владельца. За стойкой стоит Леон, уперев локти в обшарпанную поверхность. В уголке его рта дымится тонкая испанская сигара.

– Как дела, дружище? – спрашиваю у него.

– Великолепнее не бывает... если ни о чем не думать. – Он улыбается. – А как вы сами полагаете, друг мой? На вашем языке это называется «goddamn awful» – жуткая жуть.

– Возможно, вы правы. С каждым случается та или иная пакость. Глядишь, и черед Гитлера наступит. Скажите, а мистер Риббан здесь?

Леон кивает, затем берет тряпку и начинает вытирать поверхность стойки, попутно отвечая на мой вопрос:

– Да. У него тут комната на верхнем этаже. Сейчас он там. Можете пройти через бар. В конце коридора увидите дверь, за ней лестница.

Благодарю его. Пересекаю задымленный бар и танцплощадку и попадаю в коридор. Там темно, но это не мешает солдатику неистово целоваться с французской девчонкой, словно это его последний вечер на земле. Протискиваюсь мимо них, нахожу дверь и выбираюсь на лестницу. Света нет

и здесь. Кажется, что отсюда до комнаты Риббана не менее трех миллионов ступенек. Должно быть, Риббан любит наводиться поближе к звездам. Возможно, его натура не лишена поэтичности... как и моя, когда я западаю на какую-нибудь малышку.

Не помню, говорил ли вам, но я парень поэтически настроенный и артистичный. Правда, основную часть времени я трачу на погоню за ворьем, жульем и мошенниками, но едва у меня появляется немного свободного времени, я углубляюсь в мысли о красоте. А я из тех парней, кто всегда старается перевести высоkokлассные мысли в действия. Почему бы и нет? Интересно, как вы вели бы себя на моем месте?

Но увы, я постоянно убеждаюсь, что поэтичность натуры и мысли о прекрасном, вроде потрясающих ножек и всего остального, относящегося к этим ножкам, доставляют мне больше неприятностей, чем все преступники, за которыми я гонялся и гоняюсь.

Возможно, в моих рассуждениях есть мораль. Если найдете – берите. Я парень щедрый. Иду по жизни, раздавая мудрые мысли, не спрашивая за них ни цента.

Прохожу два марша лестницы и на маленькой площадке останавливаюсь передохнуть. Последний марш сужается и вдобавок изгибается влево. Ступеньки деревянные, никаких ковров, и мои шаги отзываются странными звуками. Как я уже говорил, света на лестнице нет. Иду на ощупь, держась за стену. Где-то на середине этого марша наступаю на что-то

мягкое. Похоже, кто-то выронил носовой платок.

Вот и конец подъема. Щелкаю зажигалкой и оглядываюсь. Вижу дверь. Открываю, вхожу, попадаю в комнату. Она пуста. Напротив двери, на каминной полке, замечаю подсвечник со свечой. Зажигаю ее. За каким чертом Риббану понадобилась комната в этой дыре, где даже электричества нет? Может, для свиданий или чего-то похожего.

Оглядываюсь. В углу стоит кровать. Рядом – пара стульев, платяной шкаф с зеркалом и письменный стол. На столе вижу блокнот промокательной бумаги явно американского производства, пару листов писчей бумаги и конверт. Поперек одного листа лежит вырванная и сложенная пополам промокашка. Так часто делают, когда собираются писать письмо или что-то еще. Наверное, и Риббан собрался кому-то написать, но его прервали, и он вышел. И тут у меня появляется мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.